

Аксенов Василий
Павлович

20.8.02

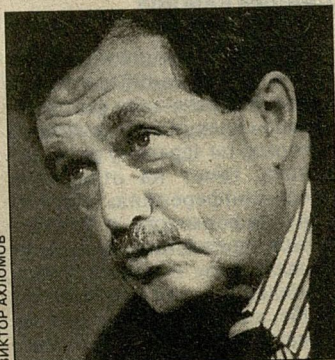
Случай Аксенова

Василий Павлович Аксенов — случай в русской и, пожалуй, мировой литературе уникальный. Продержаться так долго на литературном небосклоне, не изменяя себе и не оставаясь прежним, сможет далеко не каждый, а эти два условия абсолютно необходимы для нормального развития писателя и для его полного собрания сочинений.

Но они столь же трудновыполнимы, сколь нужны для большинства из тех, кто занимается литературным трудом. У многих писателей — и тех, кто причислен к классикам, и тех, кто только собирается ими стать, — за время их большого творческого пути были потрясающие удачи и столь же сильные, если и не провалы, то во всяком случае непопадания: в мейнстрим, в общественные ожидания, в собственные представления о том, каким надо быть и что делать.

Все вышесказанное не про Аксенова. Василий Павлович всегда оставался и остается прежним, несмотря на то что окружающая его среда не просто постоянно тяготела к вполне предсказуемым для жизни изменениям, но менялась радикально: сначала в контексте его собственной жизни — эмиграция с последующим вращением в иноязычную и прочую инодействительность, потом в общероссийских масштабах. Смену социального строя смогли выдержать единицы из тех, кто были кумирами масс — официальными и запрещенными, — в то приятное и спокойное время, когда не нужно было выбирать самому. Потому что при изначально заданных условиях выбора — за или против — талантливым и продуктивным быть проще. Во всех остальных случаях умения писать или таланта недостаточно. Аксенов же находится вне времени. Хотя он, как ни странно, был одним из главных символов того времени, которое теперь существует исключительно в формате плюсквамперфектум. Скорее можно сказать, что он сам его формирует: прошедшее, настоящее и будущее.

Пожалуй, нет ничего из того, что он написал, будь то роман, эссе, рассказ, стихи к роману или драматические вставки к нему же, что можно было бы хоть в какой-то мере причислить к «проходным» текстам. Каждая его книга — это событие: литературное, социальное, темпоральное. И каждая

ВИКТОР АХЛОМОВ

Василий Аксенов

следующая книга Аксенова вызывает странные ощущения у любого, кто прочитал хотя бы один аксеновский текст, неважно какой: роман, рассказ, повесть или просто эссе. Каждый раз это событие, потому что прозаиков аксеновского уровня в России, да и за ее пределами, и в самом деле, сколь ни грустно, крайне мало. Каждый раз это событие, которое вызывает те самые странные ощущения: кажется, что дальше может быть только тишина, потому что, как в известном анекдоте, у него уже все было. И вряд ли может получиться лучше, чем тот конкретный текст, который мы держим в руках. Каждый роман Аксенова — это как квинт-эссенция всего, что он когда-то написал или сказал, квинтэссенция, после которой любой писатель давно бы поставил жирную завершающую точку. Любой другой, но только не Аксенов. Поэтому с каждым следующим романом он и в самом деле становится лучше.

Его называли сюрреалистом, постмодернистом, фантастом, философом и даже сатириком, он был романтическим героем и стойким оловянным солдатиком, он внес поэзию даже в такие исключительно прозаические предметы, как джинсы, презервативы, сигареты «Marlboro» и прочие, казалось бы, неподходящие для этого дела вещи в «Острове Крым», убил поэзию там, где все ее искали, попытался пережить свое и наше прошлое в «Московской Саге» и «Негативе положительного героя», выплеснул собственные страхи и представления об устройстве мироздания в «Новом сладостном стиле» и препарировал настоящее с будущим в последнем романе «Кесарево свечение». Он был, он есть и будет нашим всем. Потому что он — Василий Аксенов.

Анна КОВАЛЕВА

Известия. — 2002. — 20 авг. — с. 12